

Чжоу Ци и сам толком не понимал своего отношения к Цзян Сяочжоу. Он знал лишь одно: этот старший соученик занимал в его сердце особое, ни с чем не сравнимое место.

Во всей секте Меча Лянъи лишь Сяочжоу видел его слабым, загнанным и жалким в те дни, когда он только прибыл в обитель. Тогда Чжоу Ци взирал на него снизу вверх — со смесью обиды и тайного восхищения. Но Сяочжоу неизменно оставался добр к нему, согревая израненную душу мягким, точно струящийся свет луны, теплом. Жаль только, длилось это недолго.

Стоило Чжоу Ци официально стать учеником Цзян Чангэ, как их пути разошлись. Больше не нужно было на рассвете вместе подниматься на Террасу Обсуждения Меча. Глава секты требовал от него невозможного, да и сам юноша не давал себе поблажек. Он с головой ушел в бескрайний, завораживающий мир меча, а когда наконец опомнился, то с удивлением осознал: они уже целую вечность не разговаривали.

Они жили по соседству, но говорить им стало не о чем. Именно тогда у Чжоу Ци появилась привычка — неосознанная, почти инстинктивная — выхватывать взглядом фигуру Цзян Сяочжоу в любой толпе.

«Когда же мне подойти к нему?» — раз за разом спрашивал себя юноша. И находил лишь один ответ. Нужно стать сильнее. Если он обретет истинное могущество, вся эта нерешительность испарится сама собой.

На стадии Просветления он твердил себе: «Вот достигну Слияния, тогда и заговорю». Оказавшись на ступени Слияния, решил подождать до Пробуждения Разума. На стадии Пробуждения — отложил все до формирования Золотого Ядра.

Годы шли, его мастерство крепло и расцветало, заставляя окружающих застывать в изумлении. Перед ним открывался все более грандиозный мир, и вскоре Чжоу Ци понял, что даже Золотое Ядро — лишь малая веха на бесконечном пути. Этого мало. Ему нужно подняться еще выше, чтобы раз и навсегда стереть из памяти образ того слабого, беспомощного мальчишки, каким он когда-то был.

Цзян Сяочжоу, разумеется, и не подозревал о терзаниях младшего брата. Вернувшись вместе с Байли Фэн в свое жилище, он бережно извлек из рукава белого волчка.

— Это и есть белый волк Цзиньло? — спросил Байли Фэн, разглядывая крохотный пушистый комоч, который неуверенно перебирал лапками и то и дело заваливался набок. — Что-то он совсем хилый.

Сяочжоу заботливо придержал покачнувшегося малыша и вкратце рассказал, как тот появился на свет.

Байли Фэн заинтересованно прищурилась:

— А ну-ка, покажи мне скорлупу.

«Вот что значит специалист!» — мысленно восхитился Сяочжоу. От одного его тона веяло надежностью.

Он поспешно принес обломки скорлупы. Байли Фэн долго вертела их в руках, изучая под разными углами, а затем вынесла вердикт:

— Скорлупа целая, чистая, без дефектов. И по всем признакам это действительно чистокровный волчонок Цзиньло.

— Но почему он тогда такой слабый? — с надеждой спросил Сяочжоу. — Я слышал, волки Цзиньло рождаются уже на стадии Слияния.

«Еще один бездельник, мечтающий выехать за счет верного зверя», — со скрытым презрением подумал юноша. Таких искателей легкой наживы в секте Повелителей Зверей он навидался вдоволь: вечно гоняются за редкими тварями, видя в них лишь послушное оружие, а сами и пальцем о палец не ударят.

Закинув ногу на ногу, он свысока посмотрел на Сяочжоу:

— Ладно, я могу помочь. Но при одном условии.

Сяочжоу опешил от такой резкой перемены, но быстро взял себя в руки:

— Каком же?

— Держись подальше от Чжоу Ци.

В секте Меча Лянъи давно судачили о вражде между Старшим братом и Чжоу Ци. Будучи гостем, Байли Фэн охотно поверил этим сплетням. Когда он попытался расспросить самого Чжоу Ци, тот лишь мрачно отмахнулся с таким измученным видом, что у него не осталось сомнений: коварный Цзян Сяочжоу строит его любимому козни за спиной.

На деле же все было куда прозаичнее. Часть учеников пыталась нажиться, прикрываясь именем восходящей звезды Чжоу Ци. Другие, не желая уступать им влияние, провозгласили своим покровителем Старшего брата. Сами «лидеры» в этих мелких интригах не участвовали, но их сторонники без устали строили друг другу козни.

Сяочжоу об этой мышинной возне даже не догадывался. Чжоу Ци краем уха что-то слышал, но считал соперничество глупой детской забавой и брезгливо игнорировал любые попытки втянуть себя в конфликт.

Сяочжоу искренне не понимал, с какой стати будущий суженый Чжоу Ци лезет к нему с подобными ультиматумами. Они ведь с этим гением почти не пересекались! Впрочем, поразмыслив, он списал все на неизбежные законы жанра: вокруг главного героя вечно бушуют ураганы страстей, а Байли Фэн — один из ключевых красавцев его будущего гарема. Вполне естественно, что он печется о своем избраннике.

— Договорились, — легко согласился он.

Байли Фэн удовлетворенно кивнул, мысленно ликуя:

«Ну вот, Чжоу Ци, одним врагом у тебя меньше. Знай наших!»

— А теперь о твоём питомце, — деловито произнесла она. — С ним действительно не все ладно.

Байли Фэн извлек из кармана узорчатый костяной диск и медленно обвел им притихшего волчонка, что-то тихо нашептывая. Затем он подробно расспросил Сяочжоу о рационе и повадках зверя и наконец вынес окончательное суждение:

— У него врожденный порок развития. Из-за этого дефекта его нынешние силы не дотягивают даже до стадии Создания Основы.

— И это никак не исправить? — нахмурился Сяочжоу.

— Никоим образом. Это все равно что пытаться научить владеть мечом того, кто от природы лишен таланта к постижению сути клинка. Разве такое лечится? — не без яда бросил Байли Фэн.

Сяочжоу тихо вздохнул. В мире совершенствующихся слабость каралась строже любого преступления. А уж быть бездарностью, беззастенчиво растрачивающей драгоценные ресурсы секты, — и вовсе несмыаемый позор.

Заметив его понурый вид, юноша поинтересовался:

— Ну и что ты теперь будешь с ним делать?

Если хозяин решит избавиться от никчемного уродца, она с радостью забрала бы его в секту Повелителей Зверей — там пристроят.

— Как это — что делать? — искренне удивился Сяочжоу. — Растить, конечно. Я ведь возился с ним десять лет... Кстати, фея Лэчи упоминала, что он может переварить все, в чем есть хоть капля духовной энергии. Ему можно давать духовные камни?

Байли Фэн опешил и, не подумав, брякнул то, что крутилось на уме:

— И ты не хочешь заменить его на кого-то посильнее?

— С какой стати?! — воскликнул Сяочжоу, но тут же испуганно притих. Вдруг в этом жестоком мире действительно было принято выбрасывать слабых питомцев на помойку?

Байли Фэн вгляделась в его лицо. Глаза Сяочжоу лучились искренним недоумением и легкой тревогой, но в них не было ни капли холодного расчета или пренебрежения к больному зверьку.

Ему внезапно стало невыносимо стыдно. Щеки залил румянец, руки растерянно затеребили край одежды — он ведь незаслуженно счел его бессердечным эгоистом...

— Прямо сейчас кормить его духовными камнями нельзя — его неокрепшие меридианы просто не выдержат такого напора, — торопливо заговорил он, пытаясь сгладить неловкость. — Для начала давай ему целебные травы и мясо монстров, в котором есть духовная сила. Ближе к году он окрепнет, и тогда уже можно будет переводить на камни. Вообще, волки Цзиньло живут около сотни лет, а при хорошем уровне развития — и того дольше. Их детство длится пять лет, а пик силы приходится на возраст до шестидесяти. Это грозные высокоранговые хищники, но вот конкретно твой...

— Сто лет — это же замечательно, — улыбнулся Сяочжоу, осторожно почесывая пушистого приема за ушком.

Малыш тут же зажмурился от удовольствия и умиротворенно заурчал, подставляя теплую мордочку под ладонь хозяина.

Глядя на эту картину, Байли Фэн невольно смягчился и улыбнулся:

— Да, пожалуй. Мой Двуглавый Феникс живет еще дольше. Не удивлюсь, если он меня переживет.

Словно подтверждая его слова, величественная птица грациозно склонила головы и нежно потерлась о плечо хозяина, издав протяжный, мелодичный клекот.

— Значит, кроме этой врожденной слабости, Сяобай полностью здоров? — уточнил Сяочжоу.

— Абсолютно. Если вдруг заметишь что-то странное — найди меня. Моя секта Повелителей Зверей всегда к твоим услугам, — Байли Фэн извлек из пространственного кольца алое, словно сотканное из чистого пламени перо. — Если понадобится, просто сожги его. Я сразу пойму, где тебя искать.

— Огромное тебе спасибо! — Сяочжоу смущенно улынулся и протянул ей два спелых плода Летящего Феникса. — У меня нет ценных сокровищ, чтобы отблагодарить тебя по достоинству, но эти плоды очень сочные и сладкие. Возьми, не обижай отказом.

Байли Фэн на миг лишился дара речи. Секта Повелителей Зверей держала под контролем весь рынок духовных питомцев в области Баолин, ворочая баснословными суммами. Как сын главы, он привык к роскошным дарам и подношениям, но чтобы кто-то всерьез расплачивался с ним парой лесных ягод...

«И почему мне совсем не обидно? Наоборот, даже как-то тепло на душе...» — недоумевал он.

Покачав головой, юноша принял скромный дар. Один плод он шутливо подбросил в воздух своему фениксу, который поймал его на лету, а второй с аппетитом разгрыз сам.

«Ого, аппетит у него отменный», — хмыкнул про себя Сяочжоу.

Он бросил еще один плод волчонку. Кроха неуклюже прижал ягоду лапками к полу и принялся усердно размазывать сок по мордочке, пытаясь откусить хоть кусочек.

— Ну что, малыш, — ласково проговорил Сяочжоу, — отныне звать тебя Сяобай.

Волчонок словно понял его слова: оторвался от еды, преданно заглянул в глаза хозяину и шершавым языком лизнул его палец.

В последующие дни Чжоу Ци с удивлением отметил, что назойливая Байли Фэн больше не пытается искать его общества.

Зато ее все чаще видели в компании Цзян Сяочжоу. Они неспешно прогуливались по тропинкам секты, увлеченно беседуя о чем-то своем, и со стороны казались на удивление гармоничной парой.

Провожая их случайным взглядом, Чжоу Ци ловил себя на странных мыслях. Гордый, необузданный юноша из южных краев и вечно расслабленный, плывущий по течению Старший брат... Контраст между ними завораживал. Они действительно ладно смотрелись вместе.

В памяти всплывали шепотки завистников, которые в последние дни так и норовили донести до него слухи о грядущем союзе. Неужели Сяочжоу действительно увлекся этим парнем? Если подумать, способности у Байли Фэн сносные (хотя до его собственных ей далеко), да и лицом природа его не обделила — эти огненно-рыжие волосы трудно было не заметить. Так неужели Старший брат разглядел в нем свою судьбу?

Неужели они теперь вместе?

Тому, что гордый юноша мог влюбиться в Сяочжоу, Чжоу Ци несколько не удивлялся. В его собственном восприятии весь мир за пределами Старшего брата давно разделился на безликие ярлыки.

Байли Фэн был для него просто «стадией Пробуждения Разума» и «соратником».

Цзян Чангэ — «стадией Зарождения Души», «наставником» и «отцом Сяочжоу».

Цзян Цзиньюэ — «стадией Создания Основы», «младшим братом» и «братишкой Сяочжоу».

Остальные адепты секты и вовсе сливались в серую массу ходячих уровней культивации, лишенных имен и лиц.

«Но если Старший брат действительно выберет ее... Нет, вздор. Она ведь едва поползла до Пробуждения Разума, да и в бою без своего пернатого костыля мало на что способна. Разве Сяочжоу прельстится такой слабостью?»

Успокоив себя этими мыслями, Чжоу Ци шумно выдохнул. В его груди вновь крепла непоколебимая решимость: «Нужно скорее прорваться на стадию Зарождения Души. Вот тогда я приду к нему и скажу все прямо».

Пока Чжоу Ци истязал себя изнурительными тренировками, жизнь Цзян Сяочжоу была ключом.

Они с Байли Фэн облазили все окрестные склоны и ущелья в поисках целебных трав, изловили с десятков жирных лесных фазанов и едва ли не силой добывали пропитание для вечно голодного Сяобая, чей аппетит рос не по дням, а по часам.

Младший брат, Цзиньюэ, тоже рвался составить им компанию, но приближение ежегодного зачета секты заставило его засесть на трибунах — юноша надеялся перенять опыт старших бойцов и укрепить собственное понимание Дао.

Наблюдая за его рвением, Сяочжоу лишь качал головой. Местные жители были сотканы из совершенно иного теста: каждый из них грезил лишь о превосходстве, духовном возвышении и вечной жизни. И только сам Сяочжоу искренне радовался простым земным удовольствиям.

Впрочем, один вопрос не давал ему покоя: почему Байли Фэн постоянно крутится рядом с ним, а не со своим суженым? По законам жанра, даже если у них с Чжоу Ци начнется классический сюжет с расторжением помолвки, в конце концов она неизбежно должна пополнить гарем главного героя.

Переворачивая над углями сочные куски ароматного мяса, Сяочжоу как бы невзначай поинтересовался:

— А почему ты не на арене? Все гости секты сейчас только и делают, что следят за поединками.

За эти пару дней Байли Фэн окончательно и бесповоротно пал жертвой кулинарного таланта Сяочжоу. Если раньше он презирал его за лень и нежелание совершенствоваться, то теперь за порцию хрустящего шашлыка был готов простить ему любые грехи. Походы по горам казались ему куда заманчивее скучных боев на арене.

Приняв из его рук истекающий соком шампур, он с набитым ртом проговорил:

— О состязаниях вообще-то следовало бы побеспокоиться тебе. Сегодня бьются обычные ученики, а завтра настанет черед личных воспитанников главы секты. Из старшего поколения у твоего отца числится только вы с Чжоу Ци — мелкий Цзиньюэ не в счет. Неужели ты опять позволишь себе с позором занять последнее место?

«Надо же, слава о моих былых поражениях докатилась аж до Повелителей Зверей», — мысленно хмыкнул Сяочжоу, но вслух ответил с самым безмятежным видом:

— Адепты нашей секты проливают тонны пота на тренировках, оттачивая свое мастерство. Было бы верхом несправедливости, если бы такой бездельник, как я, умудрился у них выиграть. Все закономерно.

— Но ведь среди них есть те, кто уступает тебе в уровне развития! — вспыхнул Байли Фэн, хлопнув ладонью по колену. — Ты что, собрался без боя лечь под мальчишек со стадии Просветления? Да они же тебя курам на смех поднимут!